

Любимые поэты

Начало

Я родился —
 нескладным и длинным —
в одну из влажных ночей.
Грибные июньские ливни
 звенели,
как связки ключей.
Приоткрыли огромный мир они,
зайчиками прошлись по стене.
«Ребенок
 удивительно смирный...» —
врач сказал обо мне.
...А соседка достала карты,
и они сообщили, что
буду я не слишком богатым,
но очень спокойным зато.
Не пойду ни в какие бури,
неудачи
 смогу обойти
и что дальних дорог
 не будет
на моем пути.
Что судьбою,
 мне богом данной
(на ладони вся жизнь моя!),
познакомлюсь
 с бубновой дамой,
такой же смирной,

как я...
Было дождливо и рано.
Жить сто лет
кукушка звала.
Но глупые карты
врали!
А за ними соседка
врала!
Наврала она про дорогу.
Наврала она про покой...
Карты врали!..

И слава богу,
слава людям,
что я не такой!
Что по жилам бунтует сила,
недовольство собой храня.
Слава жизни!
Большое спасибо
ей
за то, что мяла меня!
Наделила мечтой богатой,
опалила ветром сквозным,
не поверила
бабьим картам,
а поверила
ливням грибным.

Сын Веры

Я —

сын Веры...

Я давно не писал тебе писем,

Вера Павловна.

Унесли меня ветры,

напевали мне ветры

то нахально,

то грозно,

то жалобно.

Я — сын Веры.

О, как помогла ты мне, мама!

Мама Вера...

Ты меня на вокзалах пустых обнимала,

мама Вера.

Я —

сын Веры.

Непутевого сына

ждала обратно

мама Вера...

И просила в письмах

писать только правду

мама Вера...

Я —

сын Веры!

Веры не в бога,

не в ангелов, не в загробные штуки!

Я —

сын веры в солнце,

которое хлещет
сквозь рваные тучи!
Я —
сын веры в труд человека.
В цветы на земле обгорелой.
Я —
сын веры!
Веры в молчанье
под пыткой!
И в песню перед расстрелом!
Я —
сын веры в земную любовь,
ослепительную, как чудо.
Я —
сын веры в Завтра —
такое, какое хочу я!
И в людей,
как дорога, широких!
Откровенных.
Стоящих...
Я —
сын Веры,
презираю хлюпиков!
Ненавижу плаксивых и стонущих!..
Я пишу тебе правду,
мама Вера.
Пишу только правду..
Дел — по горло!
Прости,
я не скоро
вернусь обратно.

Утро

Владимиру Соколову

Есть граница между ночью и утром,
между тьмою
 и зыбким рассветом,
между призрачной тишью
и мудрым
ветром...
Вот осиновый лист трясется,
до прожилок за ночь промокнув.
Ждет,
 когда появится солнце...
В доме стали заметней окна.
Спит,
 раскинув улицы,
 город,
все в нем —
 от проводов антенных
до замков,
 до афиш на стенах, —
все полно ожиданием:
скоро,
скоро!
 скоро!! —
вы слышите? —
 скоро
птицы грянут звонким обвалом,

растворятся,
сгинут туманы...
Темнота заползает
 в подвалы,
в подворотни,
 в пустые карманы,
наклоняется над часами,
смотрит выцветшими глазами
(ей уже не поможет это), —
и она говорит голосами
тех,
 кто не переносит
 света.

Говорит спокойно вначале,
а потом клопоча от гнева:

— Люди!
Что ж это
Ведь при мне вы
тоже кое-что
 различали.

Шли,
 с моею правдой не ссорясь,
хоть и медленно,
 да осторожно...

Я темней становилась нарочно,
чтобы вас не мучила совесть,
чтобы вы не видели грязи,

чтобы вы себя
не корили...
Разве было плохо вам?
Разве
вы об этом тогда
говорили?
Разве вы тогда понимали
в беспокойных красках рассвета?
Вы за солнце
луну принимали.
Разве я
виновата в этом?
Ночь, молчи!
Все равно не перекричать
разрастающейся в полнеба зари.
Замолчи!
Будет утро тебе отвечать.
Будет утро с тобой говорить.
Ты себя оставь
для своих льстецов,
а с такими советами к нам
не лезь —
человек погибает в конце концов,
если он скрывает
свою болезнь.
...Мы хотим оглядеться
и вспомнить теперь
тех,
кто песен своих не допел до утра...

Говоришь,
 что грязь не видна при тебе?
Мы хотим ее видеть!
Ты слышишь?
Пора
знать,
 в каких притаилась она углах,
в искаженные лица врагов взглянуть,
чтобы руки скрутить им!
Чтоб шеи свернуть!
...Зазвенели будильники на столах.
А за ними
 нехотя, как всегда,
коридор наполняется скрипом дверей,
в трубах
 с клетотом гулким проснулась вода.
С добрым утром!
Ты спишь еще?
Встань скорей!
Ты сегодня веселое платье надень.
Встань!
Я птицам петь для тебя велю,
Начинается день.
Начинается
 день!
Я люблю это время.
Я
жизнь люблю!

Да, мальчики!

Мы — виноваты.
Виноваты очень:
Не мы
 с десантом
 падали во мглу.
И в ту —
 войной затоптанную —
 осень
мы были не на фронте,
 а в тылу.
На стук ночной
 не вздрагивали боязно.
Не видели
 ни плена,
 ни тюрьмы!
Мы виноваты,
что родились поздно.
Прощенья просим:
виноваты мы.
Но вот уже
 и наши судьбы
 начаты.
Шаг первый сделан —
 сказаны слова.
Мы начаты —
 то накрепко,
 то начерно.

